

3. Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры / Б. Гройс. – М.: Ад Маргенен Пресс, 2015. – 240 с.
4. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда / Ж. Деррида. – Минск: Современный литератор, 1999. – 832 с.
5. Загороднюк В. Модерний та постмодерний образ людини / В. Загороднюк // Філософські діалоги. Філософія. Культура. Суспільство. – К.: Ін-т ім. Г. С. Сковороди, 2015. – С.106–115.
6. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. – 384 с.
7. Ковадло Г. Суб'єктивний досвід у феноменологічних дослідженнях та пошуки і ідентичності / Г. Ковадло // Філософські діалоги'2018 // Філософія. Культура. Суспільство // Зб. наук. пр. – К.: Інститут ім. Г. С. Сковороди, 2015. – С.61–74.
8. Корнев С. Традиция, Постмодерн и Вечное возвращение / С. Корнев. – Режим доступа: <http://kitez.ohonego.ru/puti.html>
9. Кремень В. Г., Ільїн В. В. Філософія: Логос, Софія, Розум / В. Г. Кремень, В. В. Ільїн. – К.: Книга, 2006. – 432 с.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние Постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар // Всемирная философия. XX век. – Мн.: Харвест, 2004. – С.466–475.
11. Фишман Л. Г. Постмодерн как возврат к Просвещению // Вопросы философии. – 2006. – №10. – С.69–80.
12. Derrida J. D'un ton apocalyptique adopté naguère en philosophie / J. Derrida. – Paris, 1983. – 104 p.
13. Lyotard J.-Fr. Neiman: The Instant // The Lyotard Reader, Andrew Benjamin (ed). Oxford, 1989. – 448 p.

References

1. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu / U. Bek. – М.: Progress–Tradiciya, 2000. – 384 s.
2. Bodrijar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nosti / Zh. Bodrijar. – Ekaterinburg: Ural'skij Universitet, 2000. – 96 s.
3. Grojs B. O novom. Opyt jekonomiki kul'tury / B. Grojs. – М.: Ad Margenen Press, 2015. – 240 s.
4. Derrida Zh. O pochtovoj otkrytke ot Sokrata do Frejda / Zh. Derrida. – Minsk: Sovremennyy literator, 1999. – 832 s.
5. Zaghorodnjuk V. Modernyj ta postmodernyj obraz ljudyny / V. Zaghorodnjuk // Filososfski dialoghy. Filosofija. Kuljtura. Suspiljstvo. – К.: Ін-т ім. Г. С. Сковороди, 2015. – С.106–115.
6. Il'in I.P. Postmodernizm. Slovar' terminov. – М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. – 384 s.
7. Kovadlo Gh. Sub'jektivnyj dosvid u fenomenologichnykh doslidzhenнях та пошуки і ідентичності / Gh. Kovadlo // Filososfski dialoghy'2018 // Filosofija. Kuljtura. Suspiljstvo // Zb. nauk. pr. – К.: Instytut im. Gh. S. Skovorody, 2015. – С.61–74.
8. Kornev S. Tradicija, Postmodern i Vechnoe vozvrashhenie / S. Kornev. – Rezhim dostupa: <http://kitez.ohonego.ru/puti.html>
9. Kremenj V. Gh., Iljin V. V. Filosofija: Loghos, Sofija, Rozum / V. Gh. Kremenj, V. V. Iljin. – К.: Knygha, 2006. – 432 s.
10. Liotar Zh.-F. Sostojanie Postmoderna / Zh.-F. Liotar // Vsemirnaja filosofija. XX vek. – Мн.: Harvest, 2004. – С.466–475.
11. Fishman L. G. Postmodern kak vozvrat k Prosveshheniju // Voprosy filosofii. – 2006. – №10. – С.69–80.
12. Derrida J. D'un ton apocalyptique adopté naguère en philosophie / J. Derrida. – Paris, 1983. – 104 p.
13. Lyotard J.-Fr. Neiman: The Instant // The Lyotard Reader, Andrew Benjamin (ed). Oxford, 1989. – 448 p.

Halchenko M. S., PhD, Director, Institute of Gifted Child NAPS of Ukraine (Ukraine, Kyiv), halchenko@yahoo.com

The contours of postmodern thinking: from objective to «potential of subjectivity»

The article deals with the problem of postmodern thinking, which determined the cultural situation of the contemporary era. The author reveals the main stages and peculiarities of the philosophy of postmodernism, which bases its system of views on the revision and critique of the Modern era. The main parameters of a postmodern project of thinking are the total critique of classical rationalism and its foundations – objectivism, fundamentalism, truth, and the transition to a paradigm of thinking based on relativism, subjectivism, anti-theoretism. The main means of implementing the principles of new thinking in postmodernism is the deconstruction.

Keywords: thinking, postmodernism, discourse, narrative, deconstruction, modernism, subjectivity.

* * *

УДК 32–044.44:316.46]:144.319.8

Дандекар Д.,
аспирант кафедры философской антропологии,
Национальный педагогический университет
им. М. П. Драгоманова (Украина, Киев),
dharmeshdandekar@yahoo.com

ФЕНОМЕН ХАРИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

С методологических позиций метаантропологии делается вывод, что харизма конструктивного политического лидера – это его целостность: единство рационального и чувственного, духовного и душевного, убежденности и ответственности, национального и мирового. Исключительно целеустремленный политик–харизматик, наделенный даром убеждения, но не настроенный на мудрый баланс и целостность, рано или поздно станет деструктивным для своего народа и других народов и стран. Конструктивная харизматичность как целостность предусматривает открытость Другому и миру, которую можно назвать человечностью.

Ключевые слова: политический лидер, харизма, конструктивное, деструктивное, убежденность, ответственность, целостность, метаантропология.

(статья друкється мовою оригіналу)

Актуальным является вопрос харизмы политического лидера, ведь его деструктивное или конструктивное поведение значительно усиливается в зависимости от уровня и резонанса харизмы, что может определять судьбы целых стран. В чем специфика харизмы политического лидера? Каковы деструктивные и конструктивные проявления политика–харизматика? Ответы на данные вопросы составляют цель статьи.

Прежде, чем найти и аргументировать эти ответы, необходимо осознать, в чем суть харизмы и как она проявляется в бытии человека.

Можно согласиться с определением харизмы, которую дал М. Вебер в работе «Политика как призвание и профессия». Он определяет ее как «авторитет внеобыденного личного дара» [1]. В этом определении мы ясно видим, что харизма в трактовке М. Вебера всегда привязана к личности, и она всегда находится за пределами обыденности. Однако каким образом носитель харизмы может влиять на окружающий его обыденный мир?

Ответ на этот вопрос мы можем найти в метаантропологическом подходе украинского философа Н. Хамитова, который интересно развивает понимание харизмы у М. Вебера. Н. Хамитов отмечает, что «харизма – способность личности глубоко влиять на других личностей, выступая для них в образе героя, святого или гения» [7, с. 391]. Тут мы видим, что харизма, которая находится за пределами обыденности, способна влиять на обыденность, и это влияние тройко: через героизм, святость или гениальность – предельные и запредельные проявления человеческого. Мы можем предположить, что харизма политика, вероятно, наиболее органично проявляется в виде героизма, однако возможно присоединение к героизму предельных творческих способностей – гениальности – или предельной эмпатии, сочувствия и понимания Другого – святости. В пределах методологии метаантропологии Н. Хамитова это называется путем «Сверхчеловека» [8, с. 262–265] и «Метачеловека» [8, с. 265–266].

Мы можем предположить, что любой политический лидер – если это действительно лидер – в той или иной степени обладает харизмой. Однако харизма,

проявленна на уровне героизма, тем более соединенного с гениальностью или святостью, – очень редкое явление в человеческом бытии. Но именно такого рода харизма политического лидера необходима в моменты кризисных испытаний той или иной страны.

При этом харизма во всех ее проявлениях не является неким извне данным судьбоносным даром, который не зависит от воли, свободы и деятельности человека. Любой из нас, кто стремится совершать поступки, выходящие за пределы обыденности, имеет мудрость, смелость, мужество и приобрел определенную зрелость и целостность, способен влиять на других, актуализируя в себе харизму. При этом стоит разделять понятия «целостность», «цельность» и «целеустремленность». Их отличие хорошо показала С. Крылова [3].

«Цельность бытия человека – пишет исследовательница, – категория метаантропологии, обозначающая соответствие человека своей природе преимущественно в обыденном измерении его бытия» [4, с. 396].

Тогда как «целеустремленность бытия человека... выражающая направленность и деятельностную активность человека» проявляется «прежде всего в предельном бытии человека, порождаемом волей к власти и волей к познанию и творчеству» [5, с. 393]. С. Крылова справедливо отмечает, что в «обыденном бытии есть своя целеустремленность, а в предельном бытии может быть своя цельность» [5, с. 393], однако при этом нельзя не согласиться, что в обыденном и предельном бытии человека все же есть доминанта цельности и целеустремленности.

И, наконец, целостность, с точки зрения исследовательницы, есть феномен запредельного бытия человека. Это категория, «выражающая единство сущности и существования человека, цельности и целеустремленности его бытия, гармонию личности и мира» [6, с. 394].

Делая вывод на основе этих определений, можно сказать, что если цельность – это характеристика личностей, которые принимают политического лидера и идут за ним, то целеустремленность и целостность выражают бытие самого харизматического политического лидера.

Вернемся к вопросу о личностной проявленности харизмы. Нельзя не согласиться с Н. Хамитовым, что «человек с харизмой раскрывает свой потенциал, становясь харизматическим лидером» [7, с. 391]. Когда это возможно? «Это происходит в том случае, когда человек с харизмой имеет комплекс идей, которые указывают путь к разрешению существенных для общества противоречий» [7, с. 391]. Наличие комплекса идей особенно важно для человека с харизмой, который претендует быть политическим лидером. Ведь политика – это стратегическое управление обществом, а такое управление всегда требует идей о нынешнем и будущем устройстве общественной жизни.

Важно осознавать, что у харизматического лидера в политической сфере, который развернул свою идеологию, всегда находятся последователи. Н. Хамитов верно отмечает, что последователи политика–харизматика чаще всего некритически воспринимают его идеи и поступки, его авторитет является безусловным. «Авторитет харизматического лидера среди его последователей не подлежит критической оценке, воспринимаясь

на подсознательном уровне; это происходит потому, что харизматические лидеры чаще всего появляются в кризисные периоды развития социальных систем (Наполеон, Ленин, Гитлер)» [7, с. 391].

Не случайно «данное обстоятельство постоянно порождает условия для развития фанатичного служения харизматическому лидеру и его идеям. Энергия фанатизма во многом – это энергия комплекса идей, которые провозглашены харизматическим лидером, умноженная на его обаяние. Становясь фанатиком, человек отдает харизматическому [7, с. 391].

Проблема заключается в том, что за харизматиком чаще всего идут люди обыденного бытия, которые не готовы принять ответственность за свою жизнь, свое будущее и будущее своих детей. Поэтому они ищут того, кто возьмет эту ответственность за себя, и чем больше он может это сделать, с тем большим фанатическим рвением они готовы ему служить. И это определяет отношение к харизматическому политическому лидеру в большей степени на уровне подсознания, чем сознания.

Н. Хамитов отмечает: «Харизматический лидер становится для фанатика сакрализованным Супер-Эго». [7, с. 391–392]. Это с необходимостью означает инфантильность. «Существенно, что в коммуникативной системе «харизматические лидеры – фанатики» инфантильными являются не только последние, а и сам харизматический лидер. Фанатики переносят на него образ отца, а он, принимая эту роль, становится зависимым от их инфантильного переноса» [7, с. 391–392].

На этом пути возможен переход политического лидера с харизмой в тоталитарного вождя. Именно некритическая зависимость последователей, которые воспринимают харизматика в качестве всеобщего отца «делает харизматического лидера тоталитарным лидером. Взаимная инфантильность фанатиков и харизматического лидера постоянно порождает тоталитарные режимы, в которых свобода личности ложится на алтарь всеобщего счастья» [7, с. 391–392].

Однако мы не можем допустить, что харизматический лидер в политике с неизбежностью движется к тоталитаризму. Такое утверждение является ошибочным. Действительно, «харизматический лидер не обязательно порождает тоталитарное бытие» [7, с. 391–392]. Нельзя не согласиться с Н. Хамитовым, что «зрелый харизматический лидер не стремится иметь фанатичных последователей и единственно допустимую идеологию. Он создает открытые диалоговые отношения со своими последователями, актуализируя их личностный рост» [7, с. 392].

Из сказанного очевидно, что тоталитарный харизматический лидер будет деструктивным. Его деструктивность можно считать абсолютной (Ленин, Гитлер). Авторитарный харизматический лидер уже является относительно деструктивным. В нем мы наблюдаем и конструктивные черты (Ш. Де Голль, Ф. Кастро). Тогда как харизматический лидер в условиях демократии имеет значительно большие возможности быть конструктивным. Однако его конструктивность не является автоматической и абсолютной. В условиях демократического общества харизматический лидер может впасть в популизм, что является главным деструктивным проявлением политического харизматика при демократии.

Харизматический лидер в политике в тоталитарном, авторитарном или демократическом обществе по-разному легитимирует свое лидерское положение. М. Вебер справедливо замечает, что при демократии вновь и вновь торжествует принцип выборов как «переосмысление харизмы» [2]. Здесь властвование харизматического политического лидера становится возможным «в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального *установления (Satzung)* и деловой «компетентности» [2, с. 4].

Обоснование господства политического лидера харизматика в авторитарном и тоталитарном обществе основано на обращении к традиции и опоре на нравы. Это господство коренится по меткому замечанию М. Вебера на авторитете «вечно вчерашнего» – «авторитете *нравов*, освященных исконной значимостью» [1, с. 4].

В работе «Политика как призвание и профессия» М. Вебер выделяет харизму как легитимирующий фактор политического лидерства *наряду* с «авторитетом нравов» и традиции, однако учитывая драматический и трагический опыт XX столетия мы понимаем, что в условиях авторитаризма и тоталитаризма «авторитет нравов» всегда служит обоснованием харизмы политика. Вместе с тем, стоит признать, что и в авторитарном, и в тоталитарном обществах есть достаточно политических лидеров, которые обретают свое господство исключительно в силу «авторитета нравов» – без какой-либо харизмы; однако харизма как политическое явление всегда нуждается в «авторитете нравов» для того, чтобы проявиться и выйти из возможности в действительность. И это касается не только авторитарного и тоталитарного, но и демократического социума. Другое дело, что в демократическом мире законность выборов и деловая компетентность играют первую скрипку в процессе легитимации власти харизматического политического лидера.

В контексте понимания конструктивных и деструктивных проявлений харизмы политического лидера, продуцирующего идеи, которые требуют веры и действия, большое значение имеют идеи М. Вебера в работе «Хозяйство и общество» относительно превращения политических партий в секты. На наш взгляд, такое превращение есть результат воздействия деструктивной харизмы политического лидера. В результате борьба таких партий за власть, справедливость и т.д. – это «борьба за веру» и, действительно, не имеет завершения [2]. С точки зрения М. Вебера, в современном мире партиям оба эти вида «в чистом проявлении» как правило чужды [2]. Однако мы знаем, что в XX столетии после смерти М. Вебера в тоталитарных системах развернулась вакханалия *партий веры*, весьма напоминающих секты и использующих идеологию с фанатическим почти религиозным или, точнее, *квазирелигиозным* рвением.

В таких партиях с неизбежностью происходит деперсонализация большинства членов. Руководство партиями «со стороны плебисцитарных вождей обуславливает «обездушивание» свиты, ее, можно было бы сказать, духовную пролетаризацию. Чтобы подойти вождю в качестве аппарата, свита должна слепо повиноваться...» [1].

История учит, что харизматический политик, считающий себя вождем и *становящийся* вождем, за некой роковой чертой может быть опасен и для

своей партии, и для общества в целом. Однако без стремления харизматика к лидерскому политическому служению, которое делает его вождем как носителем ответственности, политика невозможна – особенно в кризисные моменты развития общества. Важно только, чтобы ответственность политического харизматика не подавляла ответственности тех, кто решился идти за ним во имя будущего своей страны и мира.

Человеческая история с политикой как неотъемлемым элементом истории – всегда драматична, и этот драматизм требует харизматического лидера. Нельзя не согласиться с М. Вебером, который пишет: «Возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному. Но тот, кто на это способен, должен быть вождем, мало того, он еще должен быть – в самом простом смысле слова – героем. И даже те, кто не суть ни то, ни другое, должны вооружиться той твердостью духа, которую не сломит и крушение всех надежд; уже теперь они должны вооружиться ею, ибо иначе они не сумеют осуществить даже то, что возможно ныне» [1, с. 36].

Действительно, «политика делается, правда, головой, но, само собой разумеется, не только головой» [1, с. 35]. Нужны присутствие духа и страсть. Нельзя не согласиться с М. Вебером, что это порождает для политика необходимость этики убеждения, которая дополняет этику ответственности. Баланс этики убеждения и этики ответственности – основа искусства, а не ремесла политики – политического профессионализма в худшем, бездушно-технологическом смысле слова.

М. Вебер глубоко прав, когда замечает: «Но *должно* ли действовать как исповедующий этику убеждения или как исповедующий этику ответственности, и когда так, а когда по-другому, – этого никому нельзя предписать» [1, с. 35].

Действительно, мы вновь и вновь убеждаемся, что политика не может быть простой технологией, она требует личного духовного выбора, призывает лидера, наполненного убежденностью в верности своих идей и в своей призванности.

Другое дело, что политический лидер, наполненный харизматическим даром убеждать и вести, а также принимать ответственность за этот дар, не должен считать других ни безответственными обыденными существами, ни теми, на кого можно спихнуть ответственность в случае проблем, неудачи, поражения. Столетье тому М. Вебер прекрасно передает это: «Можно сказать лишь одно: если ныне, в эпоху некоей, ...не «стерильной» возбужденности –... возбужденность чувство вообще не всегда подлинное, – *внезапно* наблюдается массовый рост политиков убеждения с лозунгом: «Мир глуп и подл, но не я; ответственность за последствия касается не меня, но других, которым я служу и чью глупость или подлость я выкорчую», то скажу открыто, что я сначала спрошу о мере *внутренней полновесности*, стоящей за данной этикой убеждения; у меня создалось впечатление, что в девяти случаях из десяти я имею дело с вертопрахами, которые не чувствуют реально, что они на себя берут, но опьяняют себя романтическими ощущениями» [1, с. 35].

М Вебер хорошо показывает, что именно ответственность порождает конструктивность харизмы политика. При этом подлинная ответственность для него – это редкое, вызывающее удивление и даже потрясение

явление; она не зависит ни от возраста, ни социального положения. Эта ответственность – настоящий дар.

«Безмерным потрясением является, – пишет мыслитель, – когда зрелый человек – все равно, стар он или юн годами, – который реально и всей душой ощущает свою ответственность за последствия и действует сообразно этике ответственности, в какой-то момент говорит: «Я не могу иначе, на том стою». Это нечто человечески подлинное и трогательное. Ибо такое именно состояние, для каждого из нас, кто, конечно, внутренне не умер, должно когда-то иметь возможность наступить. И постольку этика убеждения и этика ответственности не суть абсолютные противоположности, но взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь «призвание к политике» [1, с. 35–36].

Таким образом, мы можем допустить, что харизма конструктивного политического лидера – это его целостность. Это единство рационального и чувственного, духовного и душевного, убежденности и ответственности, национального и мирового. Исключительно целеустремленный политик-харизматик, наделенный даром убеждения, но не настроенный на мудрый баланс и целостность, рано или поздно станет деструктивным для своего народа и других народов и стран.

Харизматичность как целостность предусматривает открытость Другому и миру, которую можно назвать человечностью и без которой невозможен не только подлинный харизматический лидер в политике, но и политик как таковой.

Список использованных источников

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия. – М.: Литера Нова, 2018. – 232 с.
2. Вебер М. Господарство і суспільство / Макс Вебер; пер. з нім. М. Кушнір. – К.: Всесвіт, 2013. – 1112 с.
3. Крылова С. Краса людини: особистість, сім'я, суспільство (соціально-філософський аналіз): [монографія] / С. Крылова. – Ніжин: Аспект-Поліграф, 2011. – 344 с.
4. Крылова С. Цельность // Философская антропология: словарь / Под редакцией Н. Хамитова – К.: КНТ, 2018. – С.396.
5. Крылова С. Целеустремленность // Философская антропология: словарь / Под редакцией Н. Хамитова – К.: КНТ, 2018. – С.393.
6. Крылова С. Целостность // Философская антропология: словарь / Под редакцией Н. Хамитова – К.: КНТ, 2018. – С.394.
7. Хамитов Н. Харизма // Философская антропология: словарь / Под редакцией Хамитова Н. В. – К.: КНТ, 2018. – С.391–392.
8. Хамитов Н. Философия: бытие, человек, мир. От метафизики к метаантропологии. – 4-е издание, исправленное и дополненное. – К.: КНТ, 2017. – 268 с.
9. Beyer J. M. Taming and promoting charisma to change organizations // Leadership Quarterly, 1999. – P.307–330.
10. House R. J. A 1976 theory of charismatic leadership. Leadership: The cutting edge. Carbondale, IL: Southern, Illinois University Press, 1977. – P.189–207.
11. Howell I. Charismatic leadership: submission or liberation // Business Quarterly, 60, 1995 – P.63–69.
12. Trice H. M., Beyer J. M. Charisma and its routinization in two social movement organizations. Research in organizational behavior. Greenwich, CT: JAI Press, 1986. – P.113–164.
13. Weber M. The theory of social and economic organization. Glencoe, IL: The Free Press, 1947.

References

1. Veber M. Politika kak prizvanie i professija. – M.: Litera Nova, 2018. – 232 s.
2. Veber M. Gospodarstvo i suspil'stvo / Maks Veber; per. z nim. M. Kushnir. – K.: Vsesvit, 2013. – 1112 s.

3. Krylova S. Krasa ljudyny: osobystist', sim'ja, suspil'stvo (social'no-filosofs'kyj analiz): [monografija] / S. Krylova. – Nizhyn: Aspekt-Poligraf, 2011. – 344 s.

4. Krylova S. Cel'nost' // Filososfskaja antropologija: slovar' / Pod redakciej N. Hamitova – K.: KNT, 2018. – S.396.

5. Krylova S. Celeustremennost' // Filososfskaja antropologija: slovar' / Pod redakciej N. Hamitova – K.: KNT, 2018. – S.393.

6. Krylova S. Celostnost' // Filososfskaja antropologija: slovar' / Pod redakciej N. Hamitova – K.: KNT, 2018. – S.394.

7. Hamitov N. Harizma // Filososfskaja antropologija: slovar' / Pod redakciej Hamitova N. V. – K.: KNT, 2018. – S.391–392.

8. Hamitov N. Filosofija: bytie, chelovek, mir. Ot metafiziki k metaantropologii. – 4-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. – K.: KNT, 2017. – 268 s.

9. Beyer J. M. Taming and promoting charisma to change organizations // Leadership Quarterly, 1999. – P.307–330.

10. House R. J. A 1976 theory of charismatic leadership. Leadership: The cutting edge. Carbondale, IL: Southern, Illinois University Press, 1977. – P.189–207.

11. Howell I. Charismatic leadership: submission or liberation // Business Quarterly, 60, 1995 – P.63–69.

12. Trice H. M., Beyer J. M. Charisma and its routinization in two social movement organizations. Research in organizational behavior. Greenwich, CT: JAI Press, 1986. – P.113–164.

13. Weber M. The theory of social and economic organization. Glencoe, IL: The Free Press, 1947.

Dandekar D., aspirant of the Chair of the Philosophical Anthropology, National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine, Kyiv), dharmeshdandekar@yahoo.com

Phenomenon charisma of the political leader summary

From the methodological positions of meta-anthropology, it is concluded that the charisma of a constructive political leader is its integrity: the unity of rational and sensual, spiritual and spiritual, conviction and responsibility, national and world. An exclusively goal-oriented charismatic politician, endowed with the gift of persuasion, but not tuned to a wise balance and integrity, sooner or later will become destructive for his people and other peoples and countries. Constructive charisma as integrity provides for an openness to the Other and a world that can be called humaneness.

Keywords: political leader, charisma, constructive, destructive, conviction, responsibility, integrity, meta-anthropology.

Dandekar D., aspirant of the Chair of the Philosophical Anthropology, National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine, Kyiv), dharmeshdandekar@yahoo.com

Феномен харизми політичного лідера

З методологічних позицій метаантропології робиться висновок, що харизма конструктивного політичного лідера – це його цілісність: єдність раціонального і чуттєвого, духовного і душевного, переконаності і відповідальності, національного і світового. Виключно цілеспрямований політик-харизматик, наділений даром переконання, але не налаштований на мудрий баланс і цілісність, рано чи пізно стане деструктивним для свого народу та інших народів і країн. Конструктивна харизматичність як цілісність, передбачає відкритість Іншому і світу, яку можна назвати людністю.

Ключові слова: політичний лідер, харизма, конструктивне, деструктивне, переконаність, відповідальність, цілісність, метаантропология.

* * *

УДК 364.142

Шевченко З. В.,

кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії та релігієзнавства, Черкаський національний університет ім. Богдана Хмельницького (Україна, Черкаси), shevchenko.zoe@gmail.com

САМОТВЕРДЖЕННЯ У ЧЕСНОТАХ ЯК МОДЕЛЬ ЗДОБУТТЯ СОЦІАЛЬНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ У ФІЛОСОФІЇ ВІДРОДЖЕННЯ

Стаття присвячена аналізу мети, засобів та наслідків самоствердження особистості завдяки вихованню чеснот та дослідженню значущості такого